

Николай Сергеевич Трубецкой

**Взгляд на русскую историю не
с Запада, а с Востока**

Николай Трубецкой

**Взгляд на русскую историю
не с Запада, а с Востока**

«Public Domain»

Трубецкой Н. С.

Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока /
Н. С. Трубецкой — «Public Domain»,

Содержание

I	5
II	7
III	10
IV	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Трубецкой

Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока

I

Господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой Киевской Руси, вряд ли может быть признан правильным. То государство, или та группа мелких, более или менее самостоятельных княжеств, которых объединяют под именем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством. Киевская Русь была группой княжеств, управляемых князьями варяжской династии и расположенных в бассейне трех рек, которые почти непрерывной линией соединяют Балтийское море с Черным, и начальная летопись совершенно точно определяет географическую сущность этого государства как «путь из Варяг в Греки».

Площадь этой Киевской Руси не составляла и двадцатой доли общей площади той России, в которой родились все мы. Киевская Русь не только не была по территории своей тождественна хотя бы с так называемой Европейской Россией, но даже не являлась на территории этой Европейской России самой значительной единицей в политическом или хозяйственном отношении.

Государства Хозарское (в низовьях Волги и на Дону) и Болгарское (в среднем течении Волги и по Каме), существовавшие одновременно с Киевскою Русью, были хозяйственно и политически едва ли не значительнее ее. Государство (политическое или хозяйственное) на территории Европейской России в те времена было невозможно ни для одного из этих оседлых, привязанных к тому или иному речному бассейну государств, ибо на пути к Черному и Каспийскому морям лежала широкая полоса степи, а по ней кочевали воинственные кочевники, которых никто вполне подчинить себе не мог и которые делали невозможным всякое стремление оседлых государств к господству и расширению. Потому-то из Киевской Руси и не могло развиваться никакого мощного государства, и представление о том, будто бы позднейшее русское государство есть продолжение Киевской Руси, в корне неправильно. Киевская Русь не могла ни расширять своей территории, ни увеличивать свою внутреннюю государственную мощь, ибо будучи естественно прикреплена к известной речной системе, она в то же время не могла вполне овладеть всей этой системой до конца; нижняя, самая важная часть этой системы, пролегающая по степи, оставалась всегда под ударами степных кочевников, печенегов, половцев и проч. Киевской Руси оставалось только разлагаться и дробиться на мелкие княжества, постоянно друг с другом воюющие и лишенные всякого более высокого представления о государственности. Это было неизбежно.

Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории.

Географически заданием Киевской Руси было осуществление товарообмена между Балтийским и Черным морями; задание это в силу указанных выше причин было невыполнимо, и потому Киевская Русь была нежизнеспособна, а всякий нежизнеспособный организм разлагается. Отдельным речным городам и княжествам, входящим в состав Киевской Руси, действительно не оставалось ничего другого, как самостийничать и друг с другом драться. Чувствовать себя частями единого государственного целого они не могли, ибо это государственное целое все равно физически не могло осуществлять своего хозяйственно-географического назначе-

ния и, следовательно, было бессмысленным. Итак, ясно, что не только фактически из Киевской Руси не возникла современная Россия, но что это было даже и исторически невозможно. Между Киевскою Русью и той Россией, которую мы теперь считаем своей родиной, общим является имя «Русь», но географическое и хозяйственно-политическое содержание этого имени совершенно различно.

II

Спросим же словами древнего летописца: «Откуда есть пошла Русская земля и како Русская земля стала есть?» – и постараемся ответить на этот вопрос, вкладывая в понятие Русская земля новое, современное географическое, хозяйственное и политическое содержание.

Одного взгляда на историческую карту достаточно, чтобы убедиться в том, что почти вся территория современного СССР некогда составляла часть монгольской монархии, основанной великим Чингисханом. Некоторые части прежней императорской России, присоединенные в послепетровскую эпоху: Финляндия, Польша, Балтийские провинции, – в монархию Чингисхана не входили; но они и отпали от России, так как исторической, естественной государственной связи у них с Россией не было. Другие области, случайно не входившие в состав монгольской монархии, но, естественно, по своей географической или этнографической природе связанные с этой монархией и присоединенные к прежней России, удержались в СССР, и если некоторые из них (например, Бессарабия, польские кресы) теперь отторгнуты, то это есть явление временное, и рано или поздно природа возьмет свое.

Присоединение к СССР Хивы и Бухары, сохранявших призрачную самостоятельность при последних русских императорах и провозглашение советской республики в Монголии являются продолжением и укреплением исторической связи России с монархией Чингисхана. На том же пути можно с уверенностью предсказать в будущем и присоединение китайского Туркестана.

Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом.

Однако между Россией и монархией Чингисхана все же нельзя поставить знака равенства. В монархию великого монгольского завоевателя и его ближайших потомков входила почти вся Азия, а между тем, как бы ни распространялось влияние России на Китай, Персию, Афганистан, все эти страны все-таки не входят в Россию, и, если бы Россия присоединила их к себе, она изменила бы в корне свое историческое лицо. В исторической преемственности Россия не есть вся монархия Чингисхана, а лишь основное ядро этой монархии. Ядро это определяется особыми географическими признаками, отмежевывающими его от остальных частей бывшей монгольской монархии.

Географически территория России как основного ядра монгольской монархии может быть определена следующей схемой. Существует длинная, более или менее непрерывная полоса безлесных равнин и плоскогорий, тянущаяся почти от Тихого океана до устьев Дуная. Эту полосу можно назвать системой степи.

С севера она окаймлена широкой полосой лесов, за которой идет полоса тундр. С юга система степи окаймлена горными хребтами. Таким образом, имеются четыре тянущиеся с запада на восток параллельные полосы: тундровая, лесная, степная, горная. В меридиональном направлении, т.е. с севера на юг или с юга на север, вся эта система четырех полос пересекается системами больших рек. Такова сущность внутреннего географического строения рассматриваемой географической области. Внешние очертания ее характеризуются отсутствием выхода к открытому морю и отсутствием той изорванности береговой линии, которая так типична, с одной стороны, для Западной и Средней Европы, с другой, – для Восточной и Южной Азии. Наконец, в отношении климатическом вся рассматриваемая область отличается как от Европы, так и от собственно Азии целым рядом признаков, которые можно объединить под выражением «континентальность климата»: резкое различие между температурой зимы и лета, особое направление изотерм и ветров и т.д. Все это, вместе взятое, позволяет отделять рассматриваемую

мую область от собственно Европы и собственно Азии и считать ее особым материком, особой частью света, которую в отличие от Европы и Азии можно назвать Евразией.

Население этой части света неоднородно и принадлежит к различным расам.

Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом – с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев. В отношении внешнего антропологического типа лица и строения тела нет резкой разницы между великорусом и мордвином или зыряннином; но от зыряннина и мордвина опять-таки нет резкого перехода к черемису или вотяку; по типу волжско-камские финны (мордва, вотяки, черемисы) близко сходны с волжскими тюрками (чуваши, татарами, мещеряками); татарский тип так же постепенно переходит к типу башкир и киргизов, от которых путем таких же постепенных переходов приходим к типу собственно монголов, калмыков и бурят.

Таким образом, вся Евразия в вышеупомянутом смысле этого слова представляет собой географически и антропологически некое единое целое.

Наличие в этом целом таких разнообразных по своему природному и хозяйственному характеру частей, как леса, степи и горы, и существование между этими частями естественной географической связи позволяет рассматривать всю Евразию как до известной степени самодовлеющую хозяйственную область. Благодаря всему этому Евразия по самой своей природе оказывается исторически предназначенной для составления государственного единства.

Государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью. Но в то же время сама природа Евразии указывала и на способ этого объединения. С точки зрения древнейших времен путями сообщения могли служить только реки и степи: горы и леса с этой точки зрения были неудобны, а тундра вообще не может идти в расчет как область слишком неблагоприятная для развития какой бы то ни было человеческой деятельности. Мы уже видели, что системы больших рек на территории Евразии идут большей частью в меридиональном направлении, тогда как система степей проходит через всю Евразию с востока на запад. При этом речных систем много, а система степи в принципе одна.

Отсюда следует, что путь сообщения между востоком и западом – один, а путей сообщения между севером и югом – несколько, причем все эти (речные) дороги между югом и севером пересекают и (степную) дорогу между востоком и западом.

С точки зрения исторической задачи государственного объединения Евразии отсюда вытекает следующий важный факт: всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, так как, господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи.

Первоначально на территории Евразии наблюдались, с одной стороны, племена и государства речные, с оседлым бытовым укладом, и, с другой стороны, племена степные, в бытовом отношении кочевнические. Между реками и степью должна была неминуемо завязаться борьба, которая и проходит красной нитью через всю древнейшую историю, притом не только Киевской Руси, но и других речных государств Евразии, например царства Хазарского и Хорезма. Вначале кочевники были не объединены, делились на множество племен, из которых каждое держалось только одного определенного участка степи и только иногда забиралось в соседний участок, в каком случае начиналась борьба между двумя соседними кочевыми племенами. Благодаря этому речные государства могли еще довольно успешно бороться со степняками. Правда, самое существование постоянной угрозы кочевнических набегов на оседлые речные поселения и вечная опасность перерыва торгового сообщения по реке делали невоз-

можным нормальное развитие речных государств. Но государства эти все же существовали и боролись с кочевниками, хотя и не с полным успехом.

Положение резко изменилось, когда Чингисхан подчинил себе все кочевые племена евразийских степей и превратил евразийскую степную систему в одно сплошное кочевническое государство с прочной военной организацией. Перед такой силой ничто устоять не могло. Все государственные образования на территории Евразии должны были утратить свою самостоятельность и поступить в подчинение владыке степей. Таким образом, Чингисхану удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, – задачу государственного объединения всей этой части света. Он выполнил эту задачу так, как только и можно было ее выполнить, – объединив под своей властью степь, а через степь и всю остальную Евразию.

Но Чингисхан, как сказано выше, подчинил себе не только всю Евразию, но и почти всю Азию. Однако, если, завоеывая Евразию и государственно ее объединяя, Чингисхан совершал дело исторически необходимое и осуществлял вполне реальную, самой природой поставленную историческую задачу, завоевание частей собственно Азии являлось исторически вовсе не необходимым. Насколько завоевание и объединение Евразии было делом созидательным и для самой Евразии в конечном счете полезным, настолько же завоевание частей собственно Азии было делом разрушительным и для этих частей Азии скорее пагубным. Ни Китай, ни Персия вовсе не нуждались в каком-то внешнем государственном объединении.

Это были страны с древними национально-государственными и культурными традициями, с определенными сферами собственного культурного влияния.

Правда, соединив их с Евразией, Чингисхан получил возможность ввести в созданную им евразийскую государственность элементы этих старых азиатских культур и использовать, таким образом, культурные богатства и культурное влияние Китая, Персии и Индии, не только не подчинившись в то же время политической власти какой-либо из этих стран, но даже подчиняя самые эти страны себе. Для Евразии от этого, таким образом, произошла и некоторая польза. Но для Азии получился вред, ибо монгольское завоевание, выведя отдельные части Азии из их обособленного самодовления и ворвавшись извне в их историческое бытие, надолго затормозило их дальнейшее культурное развитие. В конце концов то положение вещей, при котором монгольские завоеватели, занявши старое культурное азиатское государство, пользовались всеми благами культуры этого государства, в то же время ему не подчиняясь, долго продолжаться не могло: монгольские правители этих государств неизбежно ассимилировались с местным населением, принимали полностью все старые местные традиции, и каждое данное государство вновь становилось тем, чем было раньше, обособившись от прочих частей монгольской монархии.

Таким образом, хотя сам Чингисхан как будто больше придавал значения завоеванию Китая и вообще собственно Азии, чем подчинению Евразии, тем не менее только в Евразии он выступил как осуществитель исторической миссии, как созидатель и организатор исторически ценного здания. И потому-то, желая определить историческую сущность русского государства как государства, распространяющегося на всю или почти на всю территорию Евразии, мы обозначили это государство как основное ядро монархии Чингисхана. Евразия представляет собой некую географически, этнологически и экономически цельную, единую систему, государственное объединение которой было исторически необходимо.

Чингисхан впервые осуществил это объединение, и после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии, хотя не всегда было одинаково ясным. С течением времени единство это стало нарушаться. Русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это нарушенное единство и потому является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана.

III

Чингисхан был не только великим завоевателем, он был и великим организатором.

Как всякий государственный организатор крупного масштаба, он в своей организационной деятельности руководствовался не только узкопрактическими соображениями текущего момента, но и известными высшими принципами и идеями, соединенными в стройную систему. Как типичный представитель туранской расы он неспособен был сам ясно формулировать эту систему в отвлеченных философских выражениях, но тем не менее ясно чувствовал и сознавал эту систему, был весь проникнут ею, и каждое отдельное его действие, каждый его поступок или приказ логически вытекал из этой системы. По отдельным сохранившимся до нас его изречениям и по общему характеру всех его установлений мы можем восстановить его систему и дать ей ту теоретическую формулировку, которую сам Чингисхан не дал и дать не мог.

К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования.

Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость; пороки, которые он больше всего презирал и ненавидел, были измена, предательство и трусость. Эти добродетели и пороки были для Чингисхана признаками, по которым он делил всех людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести, поэтому они способны на трусость и измену. Когда такой человек подчиняется своему начальнику или господину, то делает это только потому, что сознает в этом начальнике известную силу и мощь, способную лишить его благополучия или даже жизни, и трепещет перед этой силой. За своим господином он ничего не видит; он подчинен только лично этому господину в порядке страха, т.е., в сущности, подчинен не господину, а своему страху.

Изменяя своему господину или предавая его, такой человек думает тем самым освободиться от того единственного человека, который над ним властвует; но делая это всегда из страха или из материального расчета, он тем самым остается рабом своего страха, своей привязанности к жизни и к материальному благополучию и даже утверждает в рабстве. Такие люди – натуры низменные, подлые, по существу рабские; Чингисхан презирал их и беспощадно уничтожал.

На своем завоевательском пути Чингисхану пришлось свергнуть и низложить немало царей, князей и правителей. Почти всегда среди приближенных и вельмож таких правителей находились изменники и предатели, которые своим предательством способствовали победе и успеху Чингисхана. Но никого из этих предателей Чингисхан за их услугу не вознаграждал: наоборот, после каждой победы над каким-нибудь царем или правителем великий завоеватель отдавал распоряжение казнить всех тех вельмож и приближенных, которые предали своего господина.

Их предательство было признаком их рабской психологии, а людям с такой психологией в царстве Чингисхана места не было. И наоборот, после завоевания каждого нового царства или княжества Чингисхан осыпал наградами и приближал к себе всех тех, которые оставались верными бывшему правителю этой завоеванной страны до самого конца, верными даже тогда, когда их верность была для них явно невыгодна и опасна. Ибо своей верностью и стойкостью такие люди доказали свою принадлежность к тому психологическому типу, на котором Чингисхан и хотел строить свою государственную систему.

Люди такого ценимого Чингисханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить поступок, кото-

рый может обесчестить их или умалить их достоинство, притом умалить их достоинство не в глазах других людей (ибо людских насмешек и осуждений они не боятся, как вообще не боятся людей), а в своих собственных глазах. В сознании их всегда живет особый кодекс, устав допустимых и недопустимых для честного и уважающего себя человека поступков; этим уставом они и дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, что для них страшнее смерти. Уважая самих себя, они уважают и других, хранящих тот же внутренний устав, особенно тех, кто свою стойкую преданность этому уставу уже показал на деле. Преклоняясь перед велениями своего внутреннего нравственного закона и сознавая уклонение от этого закона как потерю своего лица и своего человеческого достоинства, они непременно и религиозны, ибо воспринимают мир как миропорядок, в котором все имеет свое определенное, божественной волей установленное место, связанное с долгом, с обязанностью.

Когда человек такого психологического типа повинуетя своему непосредственному начальнику, он повинуетя не ему лично, а ему как части известной божественно установленной иерархической лестницы; в лице своего непосредственного начальника он повинуетя ставленнику более высоко стоящего начальника, являющегося в свою очередь ставленником еще более высокого начальника и т.д., вплоть до верховного земного повелителя, который, однако, мыслится тоже как ставленник, но ставленник не человека, а Бога. Таким образом, человек рассматриваемого типа все время сознает себя как часть известной иерархической системы и подчинен в конечном счете не человеку, а Богу. Измена и предательство для него психологически невозможны, ибо, изменив своему непосредственному начальнику, он тем самым еще не освобождается от суда начальников, более высоко стоящих, и, даже изменивши всем земным начальникам, все-таки не уходит из-под власти суда Божьего, из-под власти божественного закона, живо пребывающего в его сознании. Это сознание невозможности выхода из-под власти сверхчеловеческого, божественного закона, сознание своей естественной и неупразднимой подзаконности сообщает ему стойкость и спокойствие фатализма. Чингисхан сам принадлежал именно к этому типу людей. Даже после того, как он победил всех и вся и сделался неограниченным властелином самого громадного из когда-либо существовавших на земле государств, он продолжал постоянно живо ощущать и сознавать свою полную подчиненность высшей воле и смотреть на себя как на орудие в руках Божиих.

Подразделяя людей на две вышеупомянутые психологические категории, Чингисхан это подразделение ставил во главу угла при своем государственном строительстве.

Людей рабской психологии он держал тем, чем только и можно их держать, – материальным благополучием и страхом. Один факт объединения в едином государстве колоссальной территории Евразии и части Азии, обеспечения безопасности евразийских и азиатских караванных путей и упорядочения финансов создавал для жителей монархии Чингисхана такие благоприятные экономические условия, при которых их стремления к материальному благополучию могли получить самое полное удовлетворение. С другой стороны, физическая мощь его непобедимой, не останавливающейся ни перед какими препятствиями и беспрекословно ему повинующейся армии и неумолимая жестокость его карательных мероприятий заставляли трепетать перед ним всех людей, привязанных к своему личному физическому существованию. Таким образом, люди рабской психологии были у Чингисхана в руках. Но этих людей он к правлению не подпускал. Весь военно-административный аппарат составлялся только из людей второго психологического типа, организованных в стройную иерархическую систему, на высшей ступени которой пребывал сам Чингисхан. И если прочие подданные видели в Чингисхане только подавляюще страшную силу, то люди правящего аппарата видели в нем прежде всего наиболее яркого представителя свойственного им всем психологического типа и преклонялись перед ним как перед героическим воплощением их собственного идеала.

При конкретизации своей государственной теории, при практическом применении ее в реальных условиях завоеванных им стран Чингисхан руководствовался тем убеждением, что люди ценного им психологического типа имеются главным образом среди кочевников, тогда как оседлые народы в большинстве своем состоят из людей рабской психологии. И действительно, кочевник по самому существу своему гораздо менее привязан к материальным благам, чем оседлый горожанин или земледелец. Питая органическое отвращение к упорному физическому труду, кочевник в то же время мало дорожит и физическим комфортом и привык ограничивать свои потребности, не ощущая этого ограничения как особенно тяжелого лишения. Он не привык бороться за свое существование с силами природы и потому смотрит на свое благосостояние фаталистически. Богатство кочевника состоит в скоте. Если богатство это будет уничтожено падежом скота, то против этого несчастья все равно ничего сделать нельзя: с эпизоотиями и сейчас трудно бороться, а в то время бороться и вовсе не умели. Скот может быть угнан врагом; но точно так же можно другой раз и самому угнать скот у врага. И то и другое зависит от личной военной доблести, а также и от самого существования неприязненных и приятельских отношений, регулируемых обычным правом и чувством порядочности и чести. Поэтому кочевник особенно ценит в мужчине, с одной стороны, военную доблесть и, с другой стороны, верность данному слову и договору. Все это и создает в кочевнике условия, благоприятствующие развитию той психологии, которую Чингисхан считал особенно ценной. У кочевнической аристократии все эти черты были еще усугублены родовыми традициями, живым чувством не только личной, но и фамильной чести, сознанием ответственности перед предками и потомками.

Неудивительно поэтому, что человеческий материал для своего военно-административного аппарата Чингисхан черпал главным образом из рядов кочевнической аристократии. Но при этом он в принципе вовсе не руководствовался сословными предрассудками: многие назначенные им на высокие посты военачальники происходили из самых захудалых родов, а кое-кто из них и прямо был прежде по своему социальному положению простым пастухом. Важна была для Чингисхана не принадлежность данного человека к тому или иному классу или слою кочевнического общества, а его психологический тип. Но, как сказано, людей нужного ему психологического типа Чингисхан находил преимущественно среди кочевников, и связь этого психологического типа с кочевым бытом он ясно понимал. Поэтому главный завет, который он дал своим потомкам и всем кочевникам, состоял в том, чтобы они всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться оседлыми. Что касается до презрения Чингисхана к оседлым народам, в которых он видел людей низменной, рабской психологии, то по отношению к тем оседлым народам, с которыми ему приходилось иметь дело, он до известной степени был прав: в оседлых азиатских монархиях того времени действительно снизу доверху господствовал рабский дух; алчная приверженность к материальному богатству, не всегда честно приобретенному, высокомерное и оскорбительное обращение с низшими и униженное пресмыкание перед высшими характеризовали социальную жизнь этих государств точно так же, как беспринципный карьеризм, предательство и измена характеризовали их политическую жизнь; того разграничения между людьми двух разных психологических типов, которое Чингисхан ставил во главу угла своего государственного строительства, в этих азиатских монархиях не было, ибо в них и правительственный аппарат весь держался на физическом страхе и материальной выгоде. Таким образом, подходящий человеческий материал для военно-административного аппарата своего государства Чингисхан мог почерпнуть только среди кочевников, среди оседлых же он мог найти разве что отдельных «спецов» по финансовым делам и канцелярскому делопроизводству.

Отличительным признаком государства Чингисхана являлось то, что это государство управлялось кочевниками.

Другой важной особенностью Чингисханова государства было положение религии в этом государстве. Будучи лично человеком глубоко религиозным, постоянно ощущая свою личную связь с божеством, Чингисхан считал, что эта религиозность является неременным условием той психической установки, которую он ценил в своих подчиненных. Чтобы бесстрашно и беспрекословно исполнять свой долг, человек должен твердо, не теоретически, а интуитивно, всем своим существом верить в то, что его личная судьба, точно так же, как и судьба других людей и всего мира, находится в руках высшего, бесконечно высокого и не подлежащего критике существа; а таким существом может быть только Бог, а не человек.

Дисциплинированный воин, умеющий одинаково хорошо как подчиняться начальнику, так и повелевать подчиненному, никогда не теряя уважения к самому себе, и потому одинаково способный уважать других и вызывать у других уважение к себе, по существу, может быть подвластен только нематериальному, неземному началу, в отличие от рабской натуры, подвластной земному страху, земному благополучию, земному честолюбию. И проникнутый этим сознанием Чингисхан считал ценными для своего государства только людей искренне, внутренне религиозных. Но подходя к религии, в сущности, именно с такой, психологической точки зрения, Чингисхан не навязывал своим подчиненным какой-либо определенной, догматически и обрядово оформленной религии. Официальной государственной религии в его царстве не было; среди его воинов, полководцев и администраторов были как шаманисты, так и буддисты, мусульмане и христиане (несториане).

Государственно важно для Чингисхана было только то, чтобы каждый из его верно-подданных так или иначе живо ощущал свою полную подчиненность неземному высшему существу, т.е. был религиозен, исповедовал какую-нибудь религию, все равно какую. В этой широкой веротерпимости известную историческую роль играло то обстоятельство, что сам Чингисхан по своим религиозным убеждениям исповедовал шаманизм, т.е. религию довольно примитивную, догматически совершенно неоформленную и не стремящуюся к прозелитизму. Но следует подчеркнуть, что веротерпимость Чингисхана отнюдь не была проявлением индифферентизма или пассивного безразличия.

Безразлично было для Чингисхана только то, к какой именно религии принадлежат его подданные, но принадлежность их к какой бы то ни было религии была для него не безразлична, а, наоборот, первостепенно важна.

Поэтому он не просто пассивно терпел в своем государстве разные религии, а активно поддерживал все эти религии. И для государственной системы Чингисхана активная поддержка, утверждение и постановка во главу угла религии были столь же важны и существенны, как утверждение кочевого быта и передача власти в руки кочевников.

Итак, согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей. Высшие посты могли заниматься не только аристократами, но и выходцами из низших слоев народа; правители принадлежали не все к одному народу, а к разным монгольским и тюрко-татарским племенам и исповедовали разные религии. Но важно было, чтобы все они по своему личному характеру и образу мысли принадлежали к одному и тому же психологическому типу, обрисованному выше. А практически, в порядке применения к конкретным условиям тех стран, с которыми Чингисхан имел дело, это приводило к тому, что правящий класс набирался из среды кочевников, что каждый представитель этого класса был ревностным приверженцем какой-нибудь религии и что всем религиям оказывалась поддержка.

IV

Мы нарочно так долго остановились на идеологической основе царства Чингисхана и постарались вскрыть идейную сущность его государственной теории, чтобы уничтожить то совершенно неправильное представление о Чингисхане как о простом поработителе, завоевателе и разрушителе, которое создалось в исторических учебниках и руководствах главным образом под влиянием одностороннего и тенденциозного отношения к нему современных ему летописцев, представителей разных завоеванных им оседлых государств. Нет, Чингисхан был носителем большой и положительной идеи, и в деятельности его стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению. И в этом необходимо отдать себе отчет при признании исторической России фактической преемницей государства Чингисхана.

Вернемся, однако, к основному интересующему нас вопросу о происхождении русской государственности. Ведь одного установления того факта, что географически территория России совпадает или стремится совпасть с основным ядром монархии Чингисхана, еще недостаточно для того, чтобы ответить на поставленный выше вопрос. Ибо все-таки остается неясным, каким образом монархия великого монгольского завоевателя оказалась замененной именно русской государственностью.

Разгром удельно-вечевой Руси монгольским нашествием и включение этой Руси в монгольское государство не могли не произвести в душах и умах русских людей самого глубокого потрясения и переворота. С душевной подавленностью, с острым чувством унижения национального самолюбия соединялось сильное новое впечатление величия чужой государственной идеи.

Глубокое душевное потрясение охватило всех русских, перед сознанием открылись бездны, и выведенные из равновесия люди заматались, ища точки опоры. Началось интенсивное брожение и кипение, сложные душевные процессы, значение которых обычно недооценивается.

Главным и основным явлением этого времени был чрезвычайно сильный подъем религиозной жизни. Татарщина была для Древней Руси прежде всего религиозной эпохой. Иноземное иго воспринято было религиозным сознанием как кара Божия за грехи, реальность этой кары утверждала сознание реальности греха и реальность карающего Божественного Провидения и ставила перед каждым проблему личного покаяния и очищения через молитву. Уход в иночество и создание новых монастырских обителей приняли массовый характер. Напряженно-религиозная установка сознания и всей душевной жизни не замедлила окрасить собой и духовное творчество, особенно художественное. К этому времени относится кипучая творческая работа во всех областях религиозного искусства, повышенное оживление наблюдается и в иконописи, и в церковно-музыкальной области, и в области художественной религиозной литературы (древнейшие из современных народных духовных стихов возникли именно в эту эпоху). Этот мощный религиозный подъем был естественным спутником той переоценки ценностей, того разочарования в жизни, которое было вызвано стихийным ударом татарского нашествия. Но в то же время в виде реакции против подавляющего чувства национального унижения возникло и пламенное чувство преданности национальному идеалу. Началась идеализация русского прошлого, не того недавнего удельного прошлого, теневые стороны которого, приведшие к поражению при Калке, были слишком очевидны, а прошлого более далекого. Эта идеализация сказалась и в таких памятниках, как «Слово о погибели Русских земель», и в былинах, которые, как теперь установлено, получили редакционную переработку именно во времена татарщины. Идеализация Руси и легендарного русского героизма, превращавшая в народном сознании реальных удельно-вечевых князьков и их местных, всегда связанных только с одним определенным удельным княжеством дружинников в общерусских богатырей,

а их противников, мелких предводителей половецких налетов в татарских ханов, ведущих за собой несметные полчища, – эта идеализация укрепляла восстающее против иностранного ига национальное самолюбие. Параллельно этой установке сознания на воинственно национальный героизм шла и питаемая религиозным подъемом установка на героизм аскетический, подвижнический, постоянно находивший реальное воплощение как в русских иноках, так и в отдельных мучениках, казненных в Орде, причем в русском сознании этот вполне современный и местно русский героизм соединялся с традициями древнего христианского подвижничества внерусского. Таким образом, в качестве реакции против угнетенного душевного состояния, вызванного татарским разгромом, в русских душах и умах поднималась, росла и укреплялась волна преимущественно религиозного, но в то же время и национального героизма.

Таковы были положительные формы, в которых русское национальное чувство реагировало на татарское иго. Но, разумеется, были и формы отрицательные, наличность и распространенность которых в эту эпоху не следует замалчивать или преуменьшать. Татарский режим, унижительный для национального самолюбия, многих русских людей из разных слоев общества привел к полной утрате как национального самолюбия, так и вообще чувства долга и достоинства. Такие случаи нравственного падения, по всей вероятности, были очень нередки, встречались гораздо чаще, чем об этом позволяют судить исторические свидетельства современников. Подлое низкопоклонство и заискивание перед татарами, стремление извлечь из татарского режима побольше личных выгод, хотя бы ценой предательства, унижения и компромиссов с совестью, – все это, несомненно, существовало, и притом в очень значительной мере. Несомненно, существовали случаи и полного ренегатства, вплоть до перемены веры из карьерных соображений. Таким образом, наряду со случаями духовного подвижничества и героизма имелись и случаи глубокого нравственного падения, рядом с просветленным религиозно-национальным подъемом одних уживалось полное душевное опустошение и потеря всякого достоинства других. Такие эпохи одновременного сосуществования высоких взлетов и глубоких падений, эпохи резких психологических противоречий, свидетельствующие о глубинном потрясении духовной жизни нации, создают духовную атмосферу, благоприятную для выковывания нового национального типа, и являются предвестниками начала новой эры в истории нации. Следует заметить, что в то время, как случаи нравственного падения в эпоху татарщины, несмотря на всю свою заразительность, оставались все же делом личной совести каждого, религиозно-национальный подъем этой эпохи становился явлением общенародным, мощным фактором развития национального самосознания и культуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.